

В эту безветренную и безлунную ночь Су Яню не вовремя вспомнились строки, которые часто твердил Сяо Цичэнь: «Древние не видят нынешней луны, а нынешняя луна когда-то освещала древних...» Впервые в жизни он ощутил, сколь всеобъемлюща и недостижима вселенная, а сам он — лишь ничтожная пылинка в бескрайнем мире.

Каждая звезда, казалось, хранила в себе прошлое. Су Янь смотрел долго, сознание его постепенно затуманивалось, и лишь северный ветер доносился до слуха.

Цзинь И, видя его задумчивость, вспомнил о недавней свадьбе и, сверкнув белыми зубами в улыбке, по-доброму хлопнул Су Яня по плечу:

— По дому и жене скучаешь? Мал ещё, привыкнешь. Вот твой отец, когда в первый раз в поход ушёл, ночами не спал, за столом сидел, свечу зажигал — матери письма строчил. Мы над ним тогда смеялись, романтиком звали...

Бормотание его удалялось, а Су Янь, подперев лицо руками, в почти детской позе, словно ребёнок, впервые увидевший огромный мир, зачарованно глядел на звёзды.

Это уже не Цзяннань. Такой красоты, наверное, Сяо Цичэнь ещё не видывал. Понравилось бы ему? Говорил, летом мучается от жары, хотел бы в Ючжоу поселиться...

И почему это он снова о Сяо Цичэне вспомнил?

Округ Цингуан, место, где река Бяньшуй впадает в Хуанхэ.

Хань Гуан при тусклом свете вновь пробежал глазами чертёж в руках и поднял голову:

— ...Если так пойдёт, к началу весны, пожалуй, удастся завершить. Ваше высочество, уже поздно, не отдохнуть ли?.. Ваше высочество?

Трёхногий табурет, прислонённый к стене, едва держался, а на этом, казалось бы, вовсе не приспособленном для отдыха месте восседал Сяо Цичэнь, выпрямившись и дремля. Чёлка спадала на глаза, губы были плотно сжаты, лицо землистого оттенка — видно, измотался вконец.

Хань Гуан позвал его дважды, ответа не последовало. Он осторожно приблизился. Сяо Цичэнь сидел столь зыбко, что Хань Гуан, сдержавшись, наконец тронул его за плечо:

— Ваше высочество, в покои бы...

Сяо Цичэнь вздрогнул, и шаткое равновесие мгновенно рухнуло.

Под грохот развалившегося табурета Сяо Цичэнь очнулся. Сидя среди обломков, он вытер каплю холодного пота с виска и растерянно пробормотал:

— ...А? Я заснул?

Затем, словно и не заметив падения, опёрся о стену, поднялся и зашагал прочь. Жил он тут же, на втором этаже, в комнатке убогой, больше похожей на чулан.

Хань Гуан вздохнул ему вслед.

Не мог он понять, что за ветер в голову вступил Сяо Цичэню, вызвавшемуся решать проблему наводнений в округе Цингуан. Прибыв на место, тот, следуя указаниям из «Записок о

гидрологии», разыскал нескольких местных мастеров по ирригационным работам и с головой ушёл в дело. Места здесь глухие, жить негде, так что и кров над головой уже удача. Губернатор округа Цингуан осмелился предложить выстроить для его высочества отдельный дом — так Сяо Цичэнь его отчитал.

Хань Гуан, сын сановника блестящей славы, с детства избалованный роскошью, полагал, что все цзиньлинские молодые повесцы ленивы и изнежены, тем паче Сяо Цичэнь, который в юности только и умел, что капризничать. Сначала, сопровождая его, Хань Гуан думал, что тот просто забавы ради приехал. Но Сяо Цичэнь становился всё серьёзнее: не привередничал в еде и жилье, не щадил себя, денно и нощно трудясь, да ещё у мастеров перенимал премудрости строительства дамб и каналов. Хань Гуан с трудом привыкал к такой перемене.

Проводив взглядом пошатывающуюся фигуру Сяо Цичэня, скрывшуюся в комнате на втором этаже, Хань Гуан расслабил затекшие плечи и молча вышел. В горах время летело незаметно, он и сбился со счёта, какой нынче день.

Но весна уже наступала, в воздухе витало едва уловимое благоухание.

Не успел Хань Гуан предаться размышлениям, как на втором этаже с грохотом распахнулось окно. Сяо Цичэнь высунулся наружу и крикнул:

— Брат Хань! Я тут вспомнил — в одном месте, кажись, ошибка в расчётах!

Хань Гуан с тоской воскликнул:

— Ваше высочество, даже скоту отдых нужен! Завтра, умоляю! Неужели нельзя себя хоть немного побересть?

Слова эти, кажется, дошли до Сяо Цичэня. Он замер, затем смущённо и как-то печально усмехнулся:

— Не знаю... Мне нужно быть занятым. Когда я занят, о многом другом... думать не приходится.

Хань Гуан почуял в его словах скрытый смысл, но расспрашивать не стал.

Луна взошла, вспугнув горных птиц. В комнате Сяо Цичэнь достал из-за пазухи письмо. От частого сворачивания и разворачивания бумага уже истончилась на сгибах. Он осторожно расправил складки. Почерк был небрежным, юношески-стремительным, но содержание он и так знал наизусть:

«Уезжаю в спешке. Передайте Ачэню: если наводнения в Цингуане удастся укротить, это будет великая заслуга перед страной и народом. Но даже если ничего не выйдет — Су Янь им всё равно гордится».

Примечание автора: Су Цзинь: Я с Янь Наньду лишь вничью схватиться могу, а ты и вправду храбрец.

Су Янь: Чёрт!! Почему раньше не сказал!

*□ Не стоит придирается, почему в вымышленном мире VI века всплывают стихи Ли Бо...
(:3□∠)*

«Враг! Враг идёт! Тревога!»

В самую полночь застава Яньмэнь внезапно погрузилась в хаос.

Напряжение, длившееся больше месяца, резко возросло после прибытия Су Чжи, но до настоящей схватки дело так и не доходило. Со временем воины племени хуянь, могучие телом, казалось, позабыли, зачем сюда явились. Днём пили, походя дразня защитников заставы, ночью пели да плясали — жили привольно.

И вот Су Чжи неожиданно распахнул ворота ночью, и Гвардия доблестной кавалерии, обученная и слаженная, устроила ночной набег!

Тюркский лагерь полыхал. Воинов поднимали среди ночи. Кто и штаны надеть не успевал, выскакивал из шатра — и тут же горло пронзала белая вспышка клинка.

Крики, ржанье коней, свист стрел... Всё сплелось в оглушительный гул, а полная луна на небе придавала происходящему зловещий оттенок.

— Молодой господин! Сюда! — Шэнь Чэнцзюнь отшвырнул тюркского воина и метнул взгляд направо. Чёрный конь почти слился с темнотой. Сердце его ёкнуло, и он закричал:

— Су Янь, куда ты?!

Су Янь не отозвался. Рука, сжимавшая меч, слегка дрожала.

Он ещё не был готов, но, завидев врага, инстинктивно выставил вперёд меч «Лазурное море». Легендарный клинок, режущий как масло, мигом пронзил тюрку горло. Кровь брызнула на три чи, залив половину ладони Су Яня. Запах, словно ржавчины, ударил в нос — он едва не свалился с седла.

Он впервые убил человека. Видел, как тот замер и рухнул. Хотя ночь была тёмной, ненависть и изумление в глазах убитого Су Янь разглядел отчётливо.

— Цзинфань, вперёд! На высоту! — Не внемля крикам Шэнь Чэнцзюня, Су Янь промчался мимо, на ходу выхватывая стрелу.

Длинный лук висел на седле. Су Янь вложил меч в ножны, окровавленной рукой сжал лук.

Тюркский лагерь стоял на возвышенности. Взбираясь, Су Янь попал под град стрел. Он уворачивался, едва успевая, взгляд его был прикован к знамени, развевавшемуся над шатром командования.

После трёх дней отдыха и разведки выяснилось: Хуянь Ту лично войско не вёл. Главным тюркским военачальником, штурмовавшим заставу Яньмэнь, был старый воин по имени Ашина, некогда служивший старшему принцу. Хуянь Ту, хоть и молод, был подозрителен, потому и послал его — отчасти чтобы выманить старшего принца, чьи разрозненные отряды ранее тревожили заставу Юньмэнь.

Поняв его замысел, Янь Наньду вздохнул:

— Тигр и тот детёнышей не трогает, а он, видно, не успокоится, пока брата не прикончит.

Шэнь Чэнцзюнь усмехнулся:

— Видно, за десять лет в Цзиньлине он только и перенял, что наши придворные интриги.

Не время было об этом думать. Су Янь тряхнул головой, пригнулся к шее Цзинфаня, уклоняясь от стрел, — как вдруг острая боль пронзила лопатку. Он вскрикнул, нащупал больное место — стрела. Но то ли расстояние было велико, то ли лучник слаб, наконечник вошёл неглубоко.

Не раздумывая, Су Янь выдернул стрелу, снял наруч, прижал к ране клочок ткани и туго перетянул ремнём от наруча. Движения потревожили другие мелкие раны, на лбу выступил пот, но он был один и должен был держаться.

Су Янь осадил коня перед крутым склоном высоты, глубоко вдохнул и наложил стрелу на тетиву.

<http://bllate.org/book/15940/1425164>